

ком состоянии выпрыгнуть, но каждая деталь при малейшем движении глаз вновь напоминала о самолете, вновь передомной выростал предстоящий прыжок. С новой неудержимой силой заработало сердце, мысли бесконечной вереницей уходили и приходили вновь.

В этот самый напряженный момент я выпрыгнул из самолета. Как тяжелая ноша упала с меня. Я почувствовал необыкновенную легкость в движениях, полной грудью вздохнул свежим воздухом и плавно выдернул кольцо парашюта.

За спиной я почувствовал движение шелка и понял, что началось раскрытие купола. Парашют полностью раскрылся. Все в порядке.

Только мелкие капли пота на лице и небольшой зуд тела, оставили следы внутренней борьбы в самолете. Чувство страха побеждено!

Но вот новая беда. Мне кажется, что я не двигаюсь, не иду к земле, а повис на одном и том же месте. В голове промелькнула мысль, что не попаду теперь на землю и это как-то странно испугало меня. Но примерно, на высоте 400 метров я почувствовал движение и понял, что иду к земле.

До отряда я служил в эскадроне рядом с авиачастью. И вот увидел свои конюшни, увидел как бойцы чистят лошадей, увидел аэродром, ангар и меня охватила большая радость. Теперь я убедился, что буду на земле. Охваченный этой радостью, шутя крикнул:

— Кавалерия с тыла!

Через минуту благополучно приземлился. Но не верится, что я совершил прыжок. Как это я смог? Отцепил от себя парашют, собрал его, взволнованный с трудом отрапортовал командиру:

— Товарищ командир, красноармеец Антропов совершил первый прыжок с самолета. Все в порядке!

Долго думал я о своем прыжке. Вспоминал его от начала и до конца, затем от конца и до начала и с мыслями о нем включился в общий разговор бойцов. Они горячо спорили тоже о проведенных и предстоящих прыжках. До поздней ночи прыжки были предметом разговоров бойцов всего отряда.

На второй день шли прыгать другие бойцы, а мы были дополнительными советниками того, как лучше совершить прыжок. Нашими напутственными словами были:

- Прыгать хорошо!
- Прыгать приятно!
- Прыгать замечательно!
- Прыгать надо!

От нескольких одиночных прыжков мы сразу перешли к прыжкам групповым. Это было мало испытанным делом в СССР, но так необходимым для воздушного десанта. Во время групповых прыжков на аэродроме всегда была большая масса народа. Она с любопытством смотрела за нашей работой, а нам было веселее прыгать.

В воздухе от восторга бойцы спрашивали друг друга:

- Как себя чувствуешь?
- Хорошо!
- Замечательно!

Иные предлагали запеть веселую песню.

Осенью 1931 года мы поехали в Киев для участия на маневрах. После 200 километрового перелета мы совершили групповой прыжок. Такое большое расстояние парашютисты пролетели впервые, однако прыжок был совершен благополучно.

На маневрах присутствовал С. М. Буденный. Я приземлился в 100 метрах от него. Семен Михайлович быстро подбежал ко мне и начал спрашивать;

- Страшно или нет прыгать?
- Нет! Ответил я.
- Значит вы не боитесь?
- Нет, не боюсь.
- А как ваше самочувствие сейчас?
- Прекрасно.

Весело улыбувшись мне, он сказал:

— Молодец!

За хорошее выполнение задачи, командование нам об'явило благодарность“.

близ города Пушкина строится первая в Советском Союзе парашютная вышка, на которой проводилась основная наземная подготовка парашютистов. Самое активное участие в подготовке десанта приняли первые парашютисты в СССР товарищи Минов, Кайтанов, Евдокимов и Александров. Конструктор Граховский к этому периоду сконструировал вторую, так называемую, десантную кабину. Она вмещала до 15 человек парашютистов и подвешивалась под самолет. На тот период развития групповых прыжков десантная кабина Граховского при всем ее положительном значении имела и существенные недостатки. В случае плохого самочувствия парашютиста, последний не имел возможности отложить свой прыжок до следующего раза, а по специфически-конструктивным особенностям этой кабины вынужден был прыгать в любом состоянии.

С. М. Киров и К. Е. Ворошилов в лагере парашютистов

Осенью 1932 года „3-й отряд особого назначения“ посетили Народный Комиссар Обороны Маршал Советского Союза Климент Ефремович Ворошилов и Сергей Миронович Киров. Они тщательно ознакомились с системой подготовки и обучением парашютистов и техникой десантирования тяжелых грузов. Осматривая выставленную на аэродроме боевую десантную технику товарищи Ворошилов и Киров вникали в каждую деталь этой техники. Когда доложили Наркому об одном изобретении командира товарища Потапова, К. Е. Ворошилов сразу же проверил это изобретение и за хорошую инициативу наградил Потапова 600 рублями денег.

Отряд парашютистов в присутствии К. Е. Ворошилова и С. М. Кирова продемонстрировал групповые парашютные прыжки. В тот день погода для прыжков была неблагоприятная — дул сильный ветер, достигавший 10 метров в секунду. Несмотря на это парашютисты образцово выполнили задачу. После высадки на парашютах, они действовали по захвату аэродрома.

После того, как отряд выполнил задачу, товарищи Ворошилов и Киров вели продолжительную беседу с бойцами. Поблагодарив их за умелые действия, боевые руководители вместе с отрядом сфотографировались. Бойцы дали твердое слово товарищам Ворошилову и Кирову, не жалея сил постоянно совершенствовать десантную подготовку.

В группе посадочного десанта товарищи Ворошилов и Киров произвели смотр в Баболовском парке.

Лейтенант товарищ Корсун, вспоминая о приезде Наркома и С. М. Кирова, рассказывает:

„Навсегда будет памятен для меня этот день. Приезд боевых соратников товарища Сталина воодушевлял нас на новую работу. Мы работали над созданием нового рода войск, приходилось встречаться с разного рода трудностями, но мы всегда чувствовали конкретную помощь и заботу со стороны нашей партии и боевого Наркома.

По окончании смотра К. Е. Ворошилов и С. М. Киров проверили технику прыжков с парашютной вышки“.

Приезд Народного Комиссара Обороны товарища Ворошилова и руководителя ленинградских большевиков С. М. Кирова оказал большое влияние на дальнейшую учебу и работу отряда. Указания руководителей стали боевой программой неуклонного развития и усовершенствования боевой воздушно-десантной части. Сергей Миронович Киров и в дальнейшем, находясь в Ленинграде, от имени партии и правительства, проявлял постоянную заботу о нашей части. По его прямому указанию на ряде предприятий города Ленинграда изготовлялись специальные заказы конструкций мостов для подцепки и транспортировки боевой десантной техники. Имя Сергея Мироновича Кирова, пламенного трибуна пролетарской революции, тесными узами связано с историей и развитием нового рода войск — воздушного десанта.

Свое слово бойцы сдержали

Настал тысяча девятьсот тридцать третий год.

В результате выполнения первого пятилетнего плана в стране были созданы „все необходимые технические и экономические предпосылки для максимального поднятия обороноспособности страны, дающей возможность организовать решительный отпор всем и всяким попыткам военной интервенции извне“.

В стране были созданы новые отрасли промышленности способные развивать новую сложную технику, вооружая ею Красную Армию.

„У нас не было авиационной промышленности. У нас она есть теперь“. (Сталин).

Небольшой отряд мужественных бойцов-парашютистов, теперь приобрел право самостоятельной боевой единицы.

В 1933 году приказом Народного Комиссара Обороны „3-й отряд особого назначения“ был развернут в „3-ю авиационную бригаду особого назначения“ (3-я АБОН). Примерная организация ее была следующая:

- 1) Парашютная группа — парашютный батальон двухротного состава.
- 2) Посадочная группа — мотомехбатальон, артдивизион.
- 3) Летная группа — 3 эскадрильи самолетов, из коих 2 тяжелых и 1 легкая.

Бригада теперь уже располагала большим численным людским составом и новой боевой техникой. Это давало возможность практически выполнить указания Народного

Комиссара Обороны о том, чтобы создать массовый воздушный десант: подготовить сотни парашютистов, в совершенстве овладеть техникой подцепки и транспортировки тяжелых объектов.

Кадры бригады свято выполняли указания своего Наркома. За один только 1934 год в бригаде подготовили свыше 200 парашютистов. Этот уже многочисленный состав (для того времени) соединял десантную подготовку с тактической выучкой.

Отдельным отрядам после выполнения прыжка ставили задачу: захватить аэродром, отрезать пути подхода главных сил „противника“, удерживать до определенного времени переправу и т. д.

По мере совершенствования таких отрядов в бригаде практиковалась выброска парашютистов на незнакомой местности, в районах недоступных для под'езда автомашин. Этим самым как бы создавали обстановку действий десанта в тылу „противника“. Выполняя тактические задачи также прорабатывались вопросы снабжения десанта.

В тот период большую роль играл самолет „Р-5“. Для обеспечения десанта боевым питанием, пищей, применялась выброска этих комплектов в мягких мешках. В один из них вкладывали патроны, взрывпакеты, дымовые шашки. В другие упаковывали термоса с горячим супом, кашей и всеми принадлежностями для обеда. Летчику давали задание отыскать в определенном районе десант и выбросить эту аммуницию на парашютах. Лейтенант товарищ Нефедьев, вспоминая об этих занятиях, рассказывает:

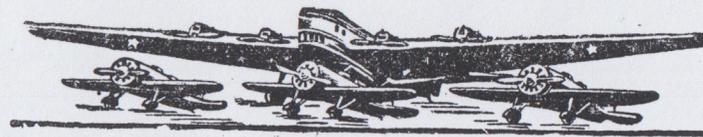
„После выброски на парашютах мы выполняли тактические задачи—совершали марши по азимуту, учились разведке, наступлению, обороне, на каждом учении по различным темам. А когда время подходило к обеду, мы невольно прислушивались к гулу мотора самолета. Самолет неожиданно появлялся или из-за облаков, или на бреющем полете из-за густого леса. С ним устанавливались условные знаки, приняв которые мы убеждались, что самолет действительно наш. Тогда на площадке выкладывали букву „Т“. Самолет делал круг, брал определенный курс и выбрасывал мешки на грузовых парашютах. „Летит“ горячий обед — шутили бойцы“.

Осенью 1934 года, подводя итоги летнего периода, бригада приняла участие на окружных тактических учениях.

Самостоятельность новой боевой единицы в Красной Армии реально ощущалась на этих учениях. Впервые, за все время развития воздушного десанта бригада выбросила на парашютах одновременно 200 человек, а по воздуху перевезла тяжелые объекты: танки „Т-27“, бронемашину „Д-8“, артиллерию, пикапы и мотоциклы.

Так постепенно воздушный десант отвоевывал себе право на почетное место в Красной Армии.

Слово данное Наркому—бойцы сдержали.

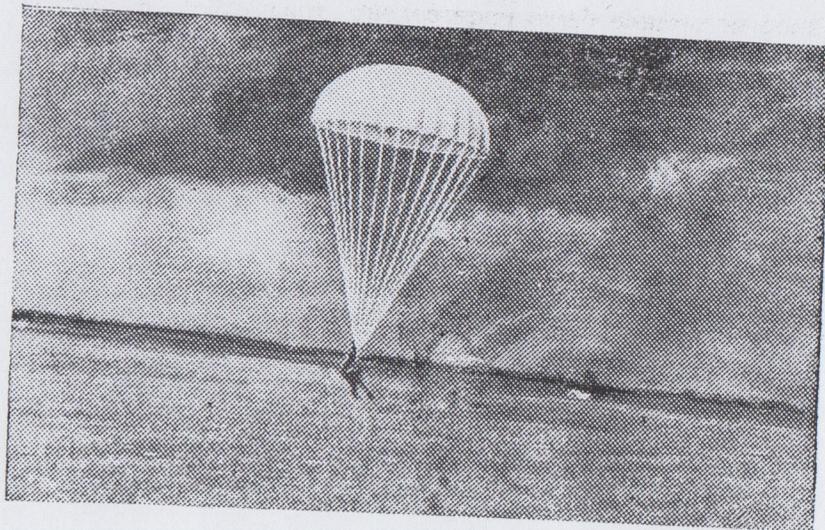

Наши эксперименты

Не трудно полюбить парашютизм и прыжки. Гораздо труднее забыть их. После первого „воздушного крещения“ и нескольких тренировочных прыжков, парашютист связывает себя с этой новой техникой, развивает все большее рвение к отваге, храбрости, бесстрашию и упорству. А совершенствуя культуру и технику этого дела, он раскрывает неисчерпаемые возможности инициативы и способности на выполнение самых смелых и новых видов боевой учебы. Источником этой горячей любви и инициативы у наших бойцов является любовь к нашей партии Ленина—Сталина, любовь к нашей социалистической родине, верность священной клятве воинов.

Мастер парашютного спорта СССР товарищ Евдокимов в свое время это выразил так: „я вспомнил слова лорда Биттона, посетившего Москву. Он тогда осудил затяжные прыжки, считая, что они связаны с излишней тратой энергии и трепкой нервов. Пусть так думает лорд Биттон! Но мы, советская молодежь, имеем крепкие нервы, беззаветно любим свою великую родину, и знаем, для чего прыгаем“.

Ясность цели всегда определяла и направляла наших людей на подвиг. Создание нового рода войск немислимо было без серьезной испытательной работы. Выполняли ее многие наши бывшие и настоящие бойцы, выполнить могли бы почти все.

Под шелковым куполом.

Мастер парашютного спорта СССР товарищ Кудрявцев за период пребывания в части проделал ряд экспериментальных прыжков. На десятом прыжке он испытывал новый отечественный парашют. Перед подготовкой к прыжку ему пришла мысль: „что делать, если, приземляясь в тылу у противника, ему будут мешать выполнять эту задачу отряды по борьбе с десантом? Как он сможет, будучи в воздухе защищать себя?“.

Он спросил у Народного Комиссара Обороны, присутствовавшего на прыжках, разрешения стрелять из нагана во время спуска на парашюте. Нарком разрешил. Задача была ответственной. Надо было испытать новую материальную часть и впервые применить оружие в воздухе.

На высоте 600 метров от земли, после раскрытия парашюта, он семью выстрелами разрядил наган. Таким образом одновременно выполнил две задачи: испытал новую отечественную материальную часть и возможность стрельбы при прыжке. За эту инициативу Народный Комиссар Обороны наградил его золотыми часами.

При дальнейшем исследовании этого приема изыскивался способ стрельбы в воздухе из более мощного вида оружия. Такое испытание было произведено товарищем Кудрявцевым на 21 своем прыжке. На этот раз он захватил с собой ручной пулемет, вложенный в чехол прикладом вверх. Амортизационная (парашютная) резинка придерживала пулемет у ноги. В сумке было два магазина и висела она на правом боку. После открытия парашюта товарищ Кудрявцев приготовился к стрельбе. На высоте 600 метров зарядил пулемет, навел в цель и произвел стрельбу несколькими очередями. Убрал пулемет под запасной парашют, он свободно приземлился. Результат был хороший. Все мишени оказались пораженными. Такой же прием, но только со стрельбой из винтовки, повторил ныне лейтенант нашей части товарищ Усатый. В мишени из произведенных первых 14-ти выстрелов оказалось 7 пробоин.

Прыжок и стрельба из винтовки была значительно труднее задачей, так как винтовка считалась тогда наиболее громоздким оружием для парашютиста. В это же время проводится испытание о возможности метания ручных гранат с воздуха, прыжки с подрывным комплектом, дымовыми шашками и др. Выполняли эти упражнения наши старые парашютисты товарищи Моисеев, Усатый, Нефедьев, Ломанов и другие.

* *
* *

Скрытность высадки десанта на войне играет огромное значение. Поэтому необходимым элементом в подготовке парашютиста были ночные прыжки. Ночью сильно затруднены расчеты на ориентировку по местным предметам, а сам момент прыжка рассчитывается скоростью, временем и высотой полета. Прыгая ночью, думаешь, что летишь в какую-то черную бездну, не имеющую ни начала ни конца. Этот прыжок требует большого напряжения моральных сил.

Вот как рассказывает старший лейтенант Антропов о своем первом ночном прыжке:

„Ночь. Темно. На просторном поле аэродрома чуть заметным показался пучок света. Это был единственный ориентир для парашютистов. Мы одевали парашюты. Безмолвная тишина долго сохранялась на аэродроме. Группы подходили и уходили молча. Даже в тот момент, когда

друг другу помогали одевать парашюты, разговаривали шопотом. Потом на одно мгновение ночную тишину нарушал оглушительный рев моторов. Самолет отрывался от земли, набирал высоту и уходил далеко в просторы темной ночи. На аэродроме вновь водворялась ночная тишина. Группы парашютистов ждали своей очереди. В перерывах между взлетами изредка доносился ленивый и приглушенный лай собаки, на вызов которой хриплым голосом откликался петух. Было два часа ночи. Подошла очередь нашей группы. Молча сели в самолет, разместились у назначенных точек и поднялись в воздух. Уже после небольшой пробежки самолета, земли не было видно. Теперь особенно ощущалась эта черная бездна. Казалось, что самолет уходит совсем далеко, хотя мы летели всего лишь несколько минут. Я находился в кабине штурмана. Когда самолет набрал высоту, необходимую для прыжка, далеко на горизонте я увидел большое зарево. Это был наш родной социалистический город Ленина, освещенный огнями электрического света. Через несколько минут самолет сбавил газ. Парашютисты, привыкшие к работе моторов, понимали, что скоро будет команда „приготовиться“. Каждый невольно у своей точки взглянул на маленькую электрическую лампочку, которая в сумраке ничем не выделялась. Прошло еще несколько секунд. На один миг ярким пламенем осветила лампочка. Но когда она погасла, в самолете стало еще темнее. Инструктор группы дублировал протяжным голосом: „при-го-то-вить-ся!“ Земли не было видно. В отличие от дневных прыжков, ночью самолет как бы сливается со всем окружающим миром. Нельзя провести грани между самолетом, воздушным пространством и землей. Вскоре подалась команда „пошел“. Мы быстро выпрыгнули. Не имея никаких ориентиров, рука невольно потянулась к кольцу. После резкого рывка парашют раскрылся. Ветра не было. Единственной заботой оставалось приземление. Поставив ноги в одно положение, которое необходимо при приземлении, я ждал соприкосновения с землей. Напрягаю зрение, чтобы увидеть что-нибудь, но все бесполезно. Начинают уставать ноги, хочется ими поболтать в воздухе, но при мысли о земле еще сильнее сковываю их вместе. Так незаметно для себя я приземлился. Все мои последующие ночные прыжки были значительно легкими.

Во время ночных прыжков находились и такие парашютисты, которые пользовались темнотой для совершения затыжных прыжков. Однажды ночью, когда я открыл парашют, вдруг увидел, как справа и слева от меня промелькнули со свистом две черные фигуры. Я сразу понял, что это были „ночные коршуны“ удовлетворяющие свою страсть в затыжных прыжках. Однако маневр их был раскрыт на земле. Они приземлились раньше всей группы, хотя и прыгали последними из корабля. А были это младший лейтенант Татуйко и старшина Rogozkin“.

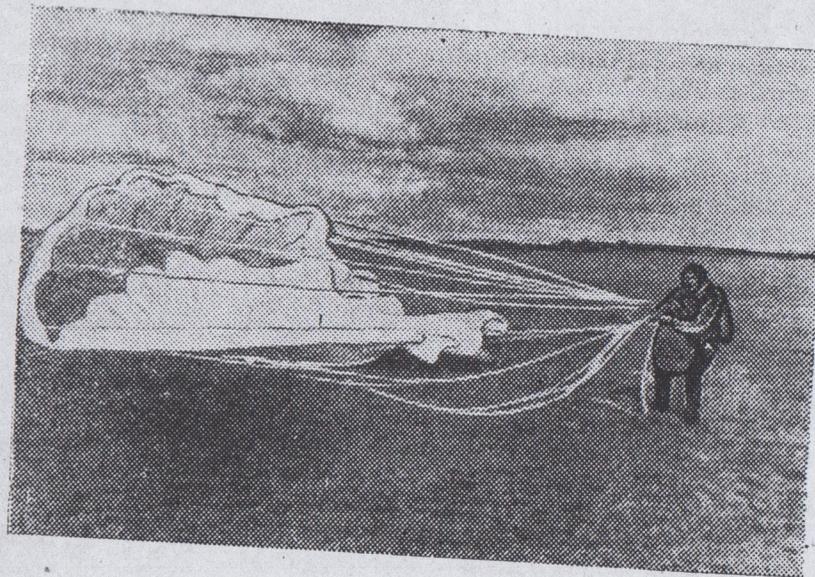
* * *

Боевая обстановка может заставить воздушный десант при любых условиях. Поэтому проводились испытания прыжков при сильном ветре. Но и этот фактор природы может быть свободно преодолен, если по-настоящему овладеть техникой приземления.

Лейтенант товарищ Усатый прыгал при ветре необыкновенной силы, достигавшей 16 метров в секунду. На высоте 150 метров он раскрыл парашют. Приземление было настолько сильным, что во-время соприкосновения с землей он перевернулся через голову и парашют с большой силой потащил его по земле. Около 800 метров пришлось так проехать за парашютом. А когда на пути попало небольшое озеро, то по нему он „ехал“, как на парусной лодке и только на противоположном берегу сумел погасить парашют. Однако борьба за овладение техникой прыжков при большом ветре не прекращалась.

* * *

Очень мало совершено прыжков с таких малых высот как 100 метров, но и эти эксперименты были произведены у нас. Самолет, к которому товарищ Кудрявцев прикрепил обыкновенную трапецию, шел на бреющем полете. Перед прыжком он влезал на эту трапецию и раскрывал парашют. Его моментально срывало с трапеции, а все остальное протекало нормально. Был и другой способ: к самолету подвязывался канат, по которому под самолет спускался парашютист. Струя воздуха моментально прижимала его к стабилизатору и когда выдергивалось кольцо парашюта, парашют моментально раскрывался и был совершен-но безопасен от зависания на самолете.

Приземление было нормальным.

Много совершено затыжных прыжков с разных высот. Об одном из них мастер парашютного спорта СССР, старший лейтенант т. Моисеев рассказывает:

„Это было в 1934 году. Группе инструкторов парашютного дела поставили задачу: с высоты 3000 метров произвести групповой затыжной прыжок. В этой группе находился и я. Самолет, поднявшись в воздух, медленно набирал высоту. Долгими казались минуты. У каждого было стремление скорее выпрыгнуть, хотя лететь на самолете представлялось большим удовольствием. Подали команду. Сперва „приготовиться“, затем „пошел“. По второй команде почти одновременно выпрыгнули парашютисты. Надо было приу-чить себя вести расчет во время затыжного прыжка (считать в воздухе) и научиться выходить из штопора при продолжительной затыжке. Почувствовав себя в воздухе я начал редко, но громко считать 21... 22... 23... 20... и не успел закончить 4, вдруг перевернулся через голову, сделал сальто и потерял счет. Стал выходить из сальтирующего положения: сжимаю корпус, подтягиваю ноги и делаю рез-

кий рывок всего тела. После этого падение продолжаю нормально. Начинаю считать вновь 21... 22... 23... Ветер с необычайной силой бьет по лицу. Звонкий свист в ушах начал дополняться незначительной болью, но падение продолжалось. В момент когда я был обращен лицом к земле, мог видеть впереди себя парашютистов, свободно управлявших своим телом: у одних был прогнут корпус, ноги слегка подогнуты в коленях, а руки отброшены в стороны. Этот вид напоминал ласточку. Другие широко разводили ноги в стороны и падали вниз головой. Каждый из них старался предупредить возможность вхождения в штопор и если в таком окажется, выйти из него. Продолжая падение меня вновь перевернуло через голову и положило на спину. Так как этот момент уже не был неожиданным, счет я не потерял. Вращение началось в одну сторону. Я понял, что вхожу в штопор и приготовился к борьбе с ним. Делаю резкий рывок туловища, направляю его как бы против вращения, широко раскинул ноги, а правой рукой крепче сжал кольцо. Достаточно было сделать этого, как я почувствовал удобное положение тела в воздухе. Но при этом я видел как впереди от меня несколько человек открывали парашют. Пролетев их, я открыл свой парашют. Встряхнуло меня по всем законам затыжки. Перед глазами образовались тысячи разноцветных шариков и ослепленный ими я даже не мог увидеть купол своего парашюта, но скоро это прошло. Раскрытие было нормальным и я свободно приземлился. Свободное падение продолжалось 24 секунды. Такой прыжок сильно закаляет волю, вырабатывает хладнокровие и упорство“.

В траурные дни

Первого декабря 1934 года, презренные враги народа, наемные псы международного империализма, злодейски убили пламенного трибуна пролетарской революции, всеми любимого и близкого друга Красной Армии—Сергея Мироновича Кирова.

Трауром оделась страна. Гневом был охвачен народ, готовый бесстрашно броситься в самое пекло горячего боя, чтобы жестоко расправиться за смерть любимого вождя.

С болью в груди перенесли в бригаде известие о смерти Сергея Мироновича Кирова. На траурном митинге, один за другим к трибуне подходили бойцы и командиры. Они выливали всю злобу, всю ненависть на продажных извергов капитализма, бандитски прервавших жизнь большого человека. В словах бойцов было также выражено твердое заверение нашей партии и правительства, непокладая рук крепить оборону страны, не жалея сил упорно изучать военное дело, жить и учиться на светлом образе Сергея Мироновича Кирова.

С жадностью бойцы вслушивались в каждое слово письма Центрального Комитета нашей партии, в котором говорилось:

„Центральный Комитет верит, что память о товарище Кирове, светлый пример его бесстрашной, неутомимой борьбы за пролетарскую революцию, за строительство социализма в СССР будут вдохновлять миллионы пролетариев и всех трудящихся на дальнейшую борьбу за торжество

социализма, за окончательное искоренение всех врагов рабочего класса“.

Настали дни проводов. Во дворце Урицкого в почетном карауле стояли товарищи Сталин, Молотов, Ворошилов, Калинин. За руководителями партии и правительства заступили в почетный караул наши боевые командиры, представители бригады парашютистов, о которой думал, знал, заботился, бойцов которой горячо любил Сергей Миронович Киров. Среди них товарищи Безуглый, Юматов, Правдин, Ломанов.

* * *

В 1935 году приказом Народного Комиссара Обороны, бригаде отважных парашютистов было присвоено имя Сергея Мироновича Кирова. С радостью приняли его бойцы. С гордостью носят они его и сейчас. Делом славят это почетное звание.

На учениях Киевского Особого Военного Округа

По заданию Маршала Советского Союза товарища Ворошилова, летом 1935 года бригада перебазировалась в город Кирово и проводит усиленную подготовку к окружным учениям Киевского Особого Военного Округа. Воздушный десант, как новый род войск, должен был впервые доказать возможность оперативного использования его для решения трудных, но необходимых в бою задач.

Все лето шла кропотливая работа: готовились сотни людей, сколачивались группы, отработывались групповые прыжки, налаживалась техника подцепки и отцепки тяжелых грузов.

14 августа рано утром, мощный воздушный десант был посажен в самолеты. Эскадрильи тяжелых кораблей с 1200 парашютистами поднялись в воздух. Вслед за ними взлетели новые эскадрильи с пушками, танками, бронев автомобилями и размещенным в самолетах посадочным десантом пехоты.

Огромные воздушные корабли величественно плыли в яркой синеве неба, а от непрерывного рева моторов, доносившегося с высоты содрогалась земля. Воздушный десант взял курс на Бровары. Пролетев 280 километров, в 12 часов дня над аэродромом появился первый отряд самолетов. Справа от него на аэродроме стояла большая трибуна. Члены правительства, высшее командование во главе с Маршалом Советского Союза товарищем Ворошиловым, делегации рабочих и крестьян внимательно всматривались

в надвигающуюся с воздуха гущу массивных кораблей. Рядом у трибуны стояли представители французской, чехословацкой и итальянской армий.

Точно в назначенный срок над серединой безлюдного поля аэродрома с первых кораблей отделилось несколько черных точек. Это инструкторы парашютного дела пошли на затяжные прыжки. Камнем они летели с высоты к земле, не открывая парашюты. Время подходило уже к десятой секунде, однако бойцы не прекращали падения. Маленькие черные точки, какими они казались в первый момент, теперь с каждой долей секунды вырастали в обозримую фигуру человека. Прошла еще секунда, вторая и на голубом фоне неба почти одновременно в нескольких местах взвились вверх острые языки белого шелка. Громом несмолкаемой овации покрылось поле аэродрома. Трудящиеся Украины, восхищенные мужеством и отвагой бойцов, радовались за свою родную Красную Армию.

Не успели еще приземлиться первые, как шли новые самолеты, выбрасывая главные силы парашютного десанта. Несколько секунд беспорядочного падения множества фигур и в воздухе вспыхнул огромный букет куполов. Временами казалось, что этот букет перед собой закрывал все просветы голубого неба, настолько была исключительной кучность выброски. С каждого самолета выбрасывалось одновременно по 20 человек. Одни приземлялись, другие открывали парашюты, третьи отделялись от самолета — так непрерывно шла высадка десанта. Это был одновременный прыжок тысячи двухсот бойцов с полным вооружением и аммуницией, которые только что вступили на замлю, немедленно выстраивались в боевые порядки и следовали для выполнения задачи.

Волнующей сценой на этих учениях был прыжок лейтенанта товарища Усатого. Он прыгал в группе инструкторов парашютного дела. Справа впереди, от него летел лихой парашютист долго не открывавший парашют. Земля казалась уже совсем близкой, а через каждую долю секунды она вырисовывалась еще отчетливей. Наконец за спиной вспыхнул шелковый купол, парашютист широко взмахнул ногами в воздухе и медленно пошел к земле. Лейтенант Усатый не упустил с поля зрения первого прыгуна. Сравняться с ним было в мысли лейтенанта. Со свистом

он пролетел мимо бойца открывшего парашют. Как на ладони была видна земля, ее контуры свободно рассматривались уже невооруженным глазом, но падение не прекращалось. Секунда, вторая, третья, на четвертой он берется за кольцо. Сильный рывок, как купол мгновенно устремился вверх. Но в чем дело? Падение не прекращалось. Теперь только было слышно шуршание шелка. Подняв голову, он увидел вместо купола парашюта узкие полоски лент, разорванные на части. Вот это импортный — подумал он. Двадцать четыре полотнища от кромки купола до полюсного отверстия выпрямились и образовали шелковый жгут. На размышление не оставалось времени. Он мигом рванул кольцо запасного парашюта. Это было единственное и последнее средство спасения себе жизни. Однако и оно работало не в его пользу. От колоссальной скорости падения, вызванной большой затяжкой, выросло огромное сопротивление телу парашютиста. Он не успел отбросить от себя купол запасного парашюта, как кромки его на подобие пламени огня моментально устремились вверх. Это происходило настолько быстро, что купол парашюта не мог наполниться воздухом и беспорядочно переплелся с лоскутами главного парашюта. Лейтенант Усатый сделал несколько попыток вытащить свой второй исправный парашют из этого плена, но они не увенчались успехом.

Наблюдавшие за прыжком затаили дыхание. У каждого сжимались пальцы. Усиленное стучало сердце. Утупив взгляд на падающего, они медленно опускались на корточки как бы желая продлить высоту. Каждому хотелось помочь, поймать его в свои объятия, но что мог сделать каждый из них. Лейтенант сделал еще несколько резких усилий, парашют на миг вспыхнул, но было поздно, земля оказалась в 50 метрах. Закрыв глаза, сжался в комок и не успел закончить мысль о жизни и смерти, как упал на зеленое поле. Подбежали бойцы и командиры. Лейтенант не дышал. Но признаки жизни были. Его поместили в госпиталь. В течение 24 суток он лежал без сознания, дышал одним кислородом. А на 25 суток пришел в себя. Достаточно было этого, чтобы вспомнить снова о своем прыжке. Ему казалось, что он еще приземляется: начинает приводить в движение свое тело, поднимать руки, но все тело у него бездействует. Несколько беспорядочных движений привело